

Чай Цзыжань сжал в руке хлыст, свернул его в несколько раз и бодро шагнул вперёд, оказавшись от Жун Лина всего в шаге. В мгновение ока он всё обдумал: если ударить — умрёшь, но с лёгким сердцем; не ударить — всё равно умрёшь, да ещё и с тяжёлым. Уж лучше ударить и умереть довольным.

Чай Цзыжань сложил руки в приветствии:

— Господин Жун Лин, прошу прощения за обиду.

Едва слово «обиду» слетело с его губ, хлыст обрушился на щедедушное, словно у бедного учёного, тело Жун Лина. Чай Цзыжань вложил в удар всю свою силу, и изящный павильон огласили диссонирующие хлопки бича и человеческие вопли: «А-а-а!».

— Хе-хе-хе, испугался? Вот тебе за враньё!

Чай Цзыжань отхлестал его десяток раз, затем, запыхавшись, упёр руки в боки и гаркнул. Эти десять ударов заставили Жун Лина увидеть звёзды, слёзы, стоявшие в глазах, покатались по щекам от лёгкой дрожи, пробежавшей по всему телу. Жун Лина по-прежнему держали стражи, глаза его налились кровью, а с заячьим лицом, перекошенным от боли, он выглядел даже немного жалко.

Когда Чай Цзыжань уже начал сомневаться, не перестарался ли, Мо Цзюцзюнь произнёс:

— Так, по одному — слишком муторно. Сколько у тебя на ноге следов от хлыста, столько имён и назови. Всех разом переловим и перепорём — и дело с концом.

Чай Цзыжань чуть не расплакался:

— Господин Цзюцзюнь, смилуйтесь! Эти раны я сам себе нанёс, упав, не кто-то другой. Кого мне называть-то?

Мо Цзюцзюнь спокойно посмотрел на него и начал перечислять:

— Сын первого советника Лань Чуфу, сын генерала Хунмэня Цзинь Синь, сын начальника охранного бюро «Убийца драконов» Фань Вэньвэня, сын цензора-дафу Ма Цяньцзюня, маркиз Синьчу Чай Цзыхао... Принцесса Цинлань Фэн Сяосяо, дочь первого советника Лань Чучу, дочь младшего наставника наследника Дун Цинъю, знаменитая столичная куртизанка Гу Юю...

Из уст Мо Цзюцзюня полился поток имён отпрысков знатных семей и столичных знаменитостей — ровно тех, кто обычно презирал Чай Цзыжана, ни больше, ни меньше.

Чай Цзыжань остолбенел. Тем временем Жун Лина, стоявшего рядом, стражи отпустили, и он бесформенной массой рухнул на пол. По его тёмному лицу катились слёзы, а взгляд, полный смертельной обиды, был устремлён на Чай Цзыжана — казалось, он готов был живьём содрать с него кожу. Чай Цзыжань, встретившись с этим взглядом, развёл руками:

— Я ничего не могу поделать. Господин Цзюцзюнь велел меня тебя выпороть, а отказаться я не могу.

Мо Цзюцзюнь изрёк:

— Ты меня укусил, я тебя укушу — дело житейское. Но господин Цзыжань непременно стал со мной торговаться, мол, помоги отомстить всем обидчикам — тогда и укусишь. Вот... я всех,

кого ты ненавидишь, и собрал.

Чай Цзыжань считал себя асом в искусстве бесстыдства, но, как говорится, в каждом деле есть свой мастер. Оказалось, виртуозно извращать факты умеют не только он с Жун Лином — Мо Цзюцзюнь тоже в этом преуспел. С подавленным видом он уставился на вереницу стражников, которые вели целую толпу знатных юношей и столичных знаменитостей. Взгляды этих людей, полные ненависти, метали в него отравленные стрелы — казалось, они жаждали пронзить его насквозь.

Чай Цзыжаню лишь оставалось задрать голову и завывать: «Мо Цзюцзюнь, самое чёрное сердце — у тебя!»

Один из знатных юношей, шедший впереди толпы, увидев Чай Цзыжана, тотчас набросился на него:

— Ажань, что ты творишь?!

Чай Цзыжань готов был расплакаться, глядя на бесстрастное лицо Мо Цзюцзюня:

— Это мой родной старший брат. Его, наверное, можно не бить?

Мо Цзюцзюнь:

— Девяносто девять.

Чай Цзыжань выдавил из глаз пару жалких слезинок и тоскливо посмотрел на Чай Цзыхао:

— Братец, прости меня!

Пришедшие мужчины и женщины, окружённые стражами в латах, ещё не успели понять, что происходит, как их уже выстроили в аккуратную очередь. Первым перед Чай Цзыжанем предстал сын первого советника Лань Чуфу. Его аккуратные чёрные волосы были зачёсаны безупречно, на нём был надет светло-голубой парчовый халат, расшитый мелкими цветами сливы. Он, ещё не разобравшись в ситуации, обратил взор на Мо Цзюцзюня и спросил:

— Господин Цзюцзюнь, что сие означает?

Мо Цзюцзюнь невозмутимо ответил:

— Чтобы Ажань душу отвёл.

Услышав это, Лань Чуфу с недоверием уставился на Чай Цзыжана, стоявшего в шаге от него, затем резко обернулся к выстроившимся сзади людям, и гнев вспыхнул в его глазах:

— Нелепость! Нас, знатных особ, силой привели сюда лишь для того, чтобы нас... нас избилла какая-то дворняга!

Услышав слова «дворняга», выражение лица Мо Цзюцзюня не изменилось, лишь стало ещё холоднее. Он гневно рявкнул:

— Наглец!

Эти два слова прозвучали металлически чётко и весомо. Лань Чуфу невольно отступил на несколько шагов. Чай Цзыжань понял, что сегодня он окончательно рассорился со всеми, кого

и так уже успел настроить против себя. Решив, что сделанного не воротишь, он бодро взмахнул хлыстом и отвесил Лань Чуфу несколько ударов, после чего велел стражам оттащить его в сторону. Затем он поманил пальцем следующего в очереди, нарочито развязно бросив:

— Следующий.

Остальные и представить не могли, что их вправду привели для порки. В сердцах их поселились смятение и страх.

Вторым в очереди стоял сын генерала Хунмэня Цзинь Синь. Перечить сыну Великой старшей принцессы Мо Цзюцзюнь он не смел, но на такую ничтожную личность, как Чай Цзыжань, он и смотреть-то не хотел. Нахмурил брови и сверкнув глазами, он гаркнул:

— Дворняга, ты посмеешь?!

Чай Цзыжань ещё не успел открыть рот, как Мо Цзюцзюнь уже сказал:

— Посмеешь укусить — жизни лишу!

Цзинь Синь весь затрясся. Никак не ожидал он, что Мо Цзюцзюнь станет так защищать дворнягу. К счастью, телосложение у него было крепкое, и удары тощего Чай Цзыжана не причинили особого вреда. Хлыст из мягкого золота, хоть и не простой, в руках человека, лишённого внутренней силы, был просто бесполезной игрушкой. Цзинь Синь презрительно фыркнул:

— Даже с поддержкой господина Цзюцзюня ты остаёшься комом грязи, которого и на стену не поднять.

Сказав это, он отошёл в сторону, пропуская следующего.

Третьим был Чай Цзыхао. Он мрачно посмотрел на Чай Цзыжана:

— Ты и меня бить собрался?

Рука Чай Цзыжана, державшая хлыст, дрогнула. Он слегка, почти нежно, тронул им Чай Цзыхао, затем украдкой взглянул на Мо Цзюцзюня. Тот сохранял обычное выражение лица и, видимо, не собирался ничего говорить. Чай Цзыжань с облегчением выдохнул.

Чай Цзыхао, хорошо зная нрав младшего брата, понимал: хоть тот обычно и любит пошалить, до такого бы не опустился. Скорее всего, это очередная выходка Мо Цзюцзюня. Поэтому он не стал больше говорить и отошёл в сторону.

Четвёртой в очереди стояла принцесса Цинлань Фэн Сяосяо в серебряной диадеме и зелёном платье из газовой ткани. Внешность у неё была выдающаяся: брови — будто изумрудная зелень, глаза — чёрные жемчужины, губы — словно вишни. Но взгляд, которым она смерила Чай Цзыжана, был откровенно враждебным, полностью разрушая образ нежной красавицы. Вообще, среди всех, кого сюда «привели», не было ни одного, кто смотрел бы на Чай Цзыжана доброжелательно.

Фэн Сяосяо гневно сверкнула глазами:

— Чай Цзыжань, как ты смеешь!

Чай Цзыжань усмехнулся:

— Не смею, не смею.

И, полный мнимой нежности, кончиком свёрнутого хлыста едва коснулся её мизинца. Недовольное выражение на лице Фэн Сяосяо слегка смягчилось. Но Мо Цзюцзюнь изрёк:

— Девяносто девять.

Чай Цзыжань вздрогнул всем телом. Пришлось, стиснув сердце, ударить Фэн Сяосяо по тонкому зелёному газовому платью. Платье взметнулось, словно подхваченное ветром. Больно ей, может, и не было, но чувство унижения было невыносимым. Она широко раскрыла глаза и крикнула:

— Дворняга, как ты смеешь!

Мо Цзюцзюнь снова сказал:

— Девяносто девять.

Чай Цзыжань мысленно взвесил, что страшнее: смертельно обидеть Мо Цзюцзюня или смертельно обидеть Фэн Сяосяо? Подумав с минуту, он со всей силы ударил её по телу. Если обидишь Фэн Сяосяо — спустят одну шкуру. Если обидишь Мо Цзюцзюня — спустят все сто.

Получив жестокий удар, Фэн Сяосяо скрежетала зубами:

— Чай Цзыжань, вернись — всё отцу расскажу! Ты посмел меня ударить, я расторгаю помолвку!

Лицо Чай Цзыжана вытянулось, словно у горькой тыквы:

— Давай, давай, расторгай!

Фэн Сяосяо, видя его недовольную физиономию, но слыша бодрый тон — будто он только этого и ждал, — покраснела от злости, затем побелела. Опозоренная перед всеми, она лишь бросила на прощание:

— Ты у меня ещё попляшешь!

Фэн Сяосяо отошла, и за ней показалась статная красавица. Единственная её вина перед Чай Цзыжанем заключалась в том, что её как-то назначили играть для него на лютне, а она, не желая того, его оскорбила. Чай Цзыжань скользнул взглядом по Мо Цзюцзюню, не понимая, откуда тот узнал, что он эту женщину в обиде держит.

Гу Юю, рождённая в мире ветра и луны, сразу учуяла, куда дует ветер. Она расплылась в сладкой улыбке и заговорила томным голосом:

— Господин Цзыжань, бейте же помягче, а то мне больно!

<http://bllate.org/book/15931/1423835>